

В. И. ЛЕНИН

Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной ме-рой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в таком короткое время таких головокружительных успе-хов, каких достигла в противоправи-тельственном смысле эта мера.

После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

1914 г.

А. М. ГОРЬКИЙ

Каждый духовно здоровый человек яв-ляет собою как бы тую свернутую кар-тино, испанную впечатлениями исто-рического бытия его племени, его пред-ков. В счастливых условиях эта хартия, развертываясь, обогащает нас такими ра-достными явлениями, как Шевченко, Пушкин, Мицкевич... люди, воплоща-ющие дух народа с наибольшим красо-силой и полностью.

Он заслуживает высокой оценки именно как первый и воистину народный поэт, не исказивший субъективными добавле-ниями народных дум и чувств.

В его жалобах на личную судьбу слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы по-чувствуете воспоминания всего народа.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Он — поэт совершенно народный, та-ко, какого мы не можем указать у се-бя. Даже Кольцов не имеет с ним в срав-нении, потому что складом своих мыс-лей и даже своими стремлениями иногда удаляется от народа. У Шевченко на-против весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с нарodom, и не только мыслью, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно свя-зан.

И. С. ТУРГЕНЕВ

Это была натура страстная, необуздан-ная, сдавленная, но не сломанная судь-бой — простолюдин, поэт и патриот.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

В это время под влиянием легенд ста-рого замка и отрывочного чтения (в спи-сках) «Гайдамаков» Шевченко романтизм старой Украины опять возвращался в мо-ю душу, заполняя ее призраками отошед-шей казацкой жизни.

ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

В. ТЕРЗИБАШЯН

В 1879 году в армянском журнале «Базмавей», издававшемся за границей (в Венеции), появились первые переводы стихов великого украинского поэта Т. Г. Шевченко.

Переводчик, подписавшийся инициалами К. Е., был армянский писатель Евреев Кушнарян (1841—1891), получивший образование в Венеции у монахов-христиан-стов, известных своими трудами в области армянской филологии и мировой литературы. Кушнарян долго жил в Феодосии и хорошо знал русскую литературу.

В том же номере журнала «Базмавей» напечатан был и биографический очерк о Шевченко Кушнаряна, знакомивший ар-мянского читателя с жизнью и творчеством гениального украинского поэта. Очевидно этот представлял некоторый интерес и в настоящее время. Энграфом для него армянский автор взял слова французского писателя Эмиля Дюрома: «Тарас Шевченко — великий поэт, он достоин привлечения и вне пределов своей родины, во всей Европе». В своей статье Кушнарян пользуется выдержками из автобиографии украинского поэта, опубликованной в 1860 г. в виде письма редактору жур-нала «Народное чтение».

«Шевченко — пишет Кушнарян — не только народный поэт, он отец поэзии всего народа». Приводим сокращенный армянский перевод знаменитого «Завещания» Шевченко, он отмечает, что в мировой ли-тературе редки поэты, которые пользовались бы такой любовью и уважением на-рода, как Шевченко.

Восторженно отзывается Кушнарян об изумительном поэтическом мастерстве Шев-ченко, отмечая «лирическую гармонию, вспышки поэзии, родственную Катери-не». Тот же социальный гнет, те же прок-лятые условия жизни предопределяют траги-ческую судьбу обеих девушек.

Трагическую судьбу великого украин-ского поэта разделял революционный де-мократ, поэт и публицист Арменит М. Нал-бандян. После долголетнего заключения в Петровапольской крепости он умер от ча-хотки далекой степи в ссылке. Но, как и Шевченко, он не терял воли и надежды на счастливое будущее своей родины. В журнале «Аскер» («Коло-сия») статью о Шевченко и перевел не-сколько его стихотворений. В журнале «Аскер» принимал ближайшее участие великий армянский поэт Ованес Туманян.

Кушнарян перевел отрывок из поэмы «Гамлета» — «Песнь пленных казаков», известную думку «Наш меш торин бро-ви» (этот великолепный перевод сделан на древнем армянском языке — грабаре), стихотворение «Как птицы зловещие» и несколько других.

Самый крупный перевод — это неокон-ченная поэма Шевченко «Марина» («Ма-рина Черниговская»), около 400 строк. Эти первые армянские переводы Шевченко име-ют для нас историческую и культурную ценность, они свидетельствуют о вековой дружбе и братстве наших народов, ныне обнегненных в великой семье социали-стической родины.

Между Шевченко и армянскими поэта-ми много общего. В 60-е годы прошлого века у М. Налбандяна, С. Шах-Азиза, в дальнейшем у Туманяна, Иоанисяна, Исаякиана мы находим те же мотивы, что и у Шевченко. Апгур О. Туманян (рено-рия поэмы «Апш») родственна Катери-не. Тот же социальный гнет, те же прок-лятые условия жизни предопределяют траги-ческую судьбу обеих девушек.

Из этих статей следует отметить очерк О. Солдянина, напечатанный в известном армянском иллюстрированном журнале «Тарас» (№ 3, 1911 г.). Здесь также помещены в первый раз в армянской пе-чати великолепный портрет Шевченко. Со-лодянин в своей статье говорит о том, что «Шевченко — поэт не только горя своей родины, но и братства всех народов».

100-летие со дня рождения Шевченко, о котором запрещалось писать, тем не менее написал отклики в армянской печати. Широко известный армянский писатель Атабек Хикоян, в 1914 году поместил в армянском детском журнале «Аскер» («Коло-сия») статью о Шевченко и перевел не-сколько его стихотворений. В журнале «Аскер» принимал ближайшее участие великий армянский поэт Ованес Туманян.

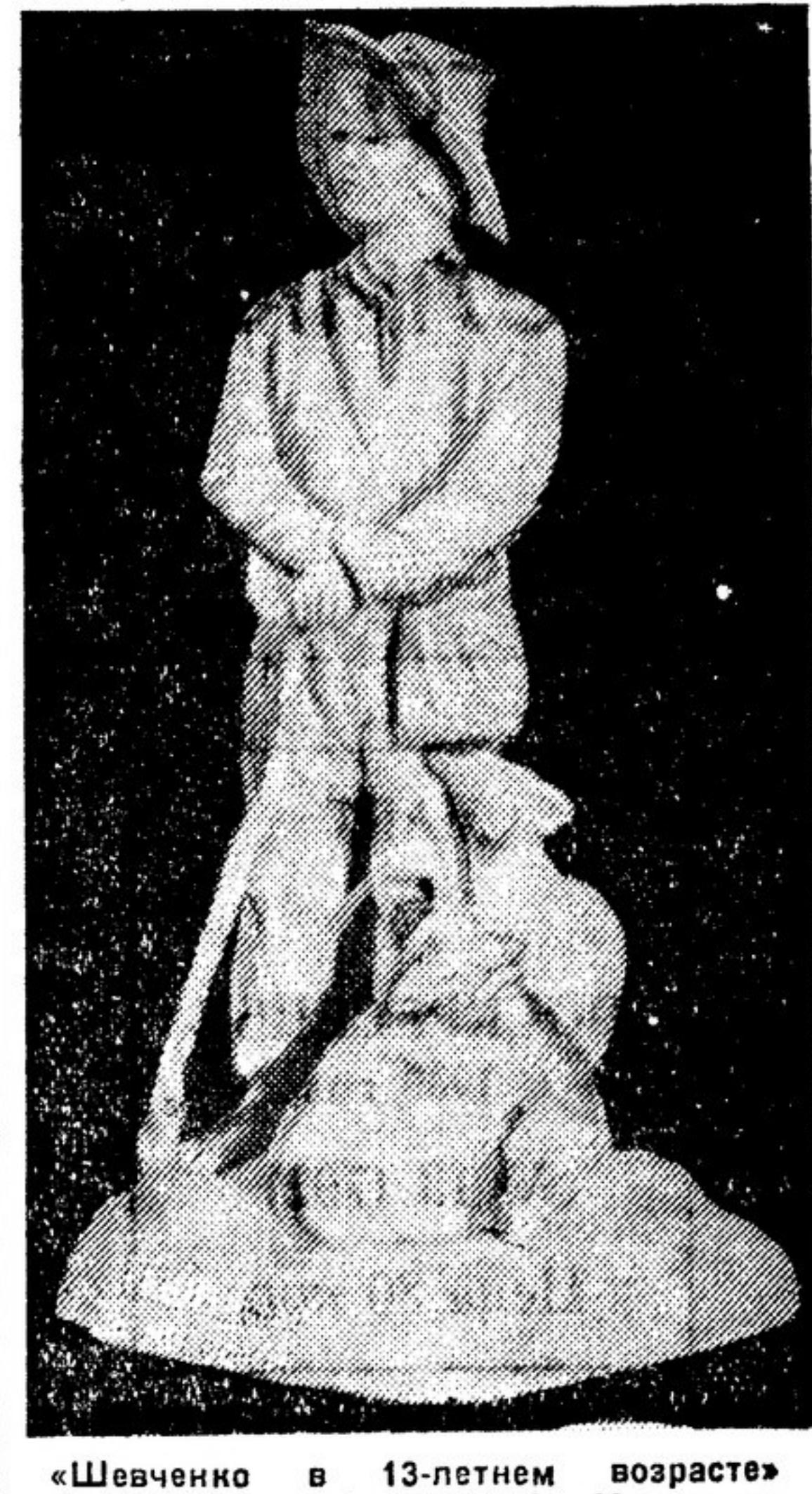
Небольшая статья Хикоян-Апер, озаглавленная «Незабываемый Тарас», с любовью излагает основные факты из жизни Шев-ченко, доступные пониманию детей. Под-робно автор останавливается на детских годах великого поэта. Хикоян-Апер удачно перевел знаменитую «Заповеть» Шевченко, и, сожалению, в сокращенном виде. Только после Великой Октябрьской социалистиче-ской революции это мудрое и пламенное завещание великого поэта-борца полно-стью зазвучало на армянском языке в переводе советских поэтов.

До революции мы не имели ни одной поэмы Шевченко, переведенной полностью. Сегодня, в переводе талантливого советского поэта Г. Сарьянца, у нас имеются перевода целого ряда поэм и стихотворений Шевченко. Несколько поэм («Катерина», «Сон», «Кавказ», «Годзьля») и многочи-сленные стихотворения Шевченко уже по-являлись в армянских журналах и газе-тах. К юбилею Шевченко Госиздат Арме-нии в роскошном издании выпускает том «Гобар» в 8 тыс. строк.

В него вошли основные поэмы (в том числе «Гайдамаки», «Багратик», «Москва-ляда Былинка») думки Шевченко в переводе Г. Сарьянца, которому в сравни-тельном короткий срок удалось справиться с такой ответственной задачей, как перевод на армянский язык произведений Шев-ченко.

Советские поэты Армении переводят Шевченко, посвящают ему восторженные стихи.

125-летие со дня рождения гениального поэта Украины — великий культурный праздник и для армянского народа, который вместе с другими братскими народами нашего великого Советского Союза готовится к этому юбилею.

«Шевченко в 13-летнем возрасте»
Скульптура работы Д. А. Монсеинко (ферфорный завод «Керамика», Ка-менец-Подольская область).

(Фотохроника ТАСС).

ОВАНЕС ШИРАЗ СЕРДЦУ МИРА

Я знаю: на земле вито, —
О пет, ничто не пропадет, —
Рожденное живой мечтой
Бессмертным в вечности живет.

Покуда ярок солнца шит
Над милою моей страной,
С землей и солнцем сердцем слит
Я вечной озарен весной.

Не пропадет и письма твоя
В стране души моей, Тарас,
В той письмо целий мир и я
В том мире ЖИЛ, блуждал не раз.

Где холм твой дальний твой? Я принес
И посыпал роз бусти..

И на твоей земле сердце роз
Я стал бы сам цветком простым..

О, погляди на жизнь людей:
Твой мечты, певец, сбылся.

Светло на родине твой,
Украина счастлива,

Сохолю обеща..»)

Шевченко восхищался революционно-ле-
тической литературой и выражал глубо-
ко убеждения в революционно-разруша-
ющем действии бессмертных сатири-
ческих стихов Шевченко из поэмы «Кавказ»,
полные сарказма по адресу царизма, уст-
ройства в стране общую «торную наро-
дов». «На всех наречьях все молчал. Весь
благоденствуют». И. Добролюбов свою
большую статью о вышедшем в 1860 г.
«Кавказе» Шевченко посыпал пропаганде-
стихотоврений Шевченко и дал в ее
глубоко правильную оценку всей поэзии
Шевченко как «поэта совершенно наро-
дного, такого, какого мы не можем указать
у себя». Добролюбов находил, что никто
так не умел воспевать народ, его завет-
ные чаяния и думы, как Шевченко.

Шевченко родился из круга «Современ-
ника» как единственный политический ви-
димый смысл своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов. Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Чтобы дать понять читателю иносказатель-
ного смысла своей статьи о националь-
но-политическом угнетении царизмом укра-
инского и других братских народов, Чер-
нышевский в своей статье «Национальная
бестактность» (1861 г.) привел характер-
истику Шевченко из поэмы «Кавказ»,
устраняя в статье царизмом официальными
изданиями.

Тарас Шевченко

ОТРЫВОК ИЗ БИОГРАФИИ

ПОСЛЕДНЕЕ
ПРЕПЯТСТВИЕ

Более трех лет Шевченко провел в «учебниках» у майора Ширяева. Это были тягостные годы. О каком-нибудь серьезном обучении не могло быть и речи. Шевченко попросту попал к прелюбимому мастеру, который за кусок хлеба заставлял учеников работать на себя.

Но Шевченко не падал духом. С умственным упорством и настойчивостью он продолжал заниматься своим рисованием.

Однажды поздно вечером, возвращаясь с работы, драматизуя художник Шевченко зашел по обмыкновению в Летний сад.

Шевченко был босой, без шапки, в коричневом халате. В руках у него были маленькие кисти и ведро от краски.

Шевченко прошел по аллеям сада, разглядывая мраморные статуи.

Перед одной из статуй Шевченко задержался. Он сел на ее перенесенную ведро и стал срисовывать в свою тетрадь контуры мраморной боттины.

Был поздний майский вечер. Белая петербургская ночь давала возможность работать.

Один из прохожих остановился позади Шевченко и с любопытством стал смотреть на его работу.

Рисунок выходил отлично. Это было удивительно: оборванный паренек так искусно и так уверенно рисовал.

Профessor разговаривал с Шевченко. Он оказывал земляку Тараса. Это был молодой художник Сошенко. Он недавно приехал в Петербург для занятий в Академии художеств.

Сошенко с любопытством стал рассматривать Тараса об его жизни. Он похвалил его рисунки и сказал, что ему надо учиться и что, сколько он понимает, это не выйдет большой толк.

Сошенко дал Тарасу свой адрес и просил его зайти в воскресенье.

Шевченко был вззволнован встречей. Он бормотал слова благодарности. Он так мало видел внимания к себе. Он не привык в участии или даже в каком-нибудь членовескому отношению.

И теперь он с чувством признательности смотрел на неизвестного художника, который обещал сделать для него все, что будет возможно.

В воскресенье Шевченко пришел к художнику на Четвертую линию Васильевского острова.

Тарас привнес с собой связку своих рисунков.

Художник Сошенко стал внимательно рассматривать рисунки, хвалил их и увлекался необыкновенному мастерству художника.

Сошенко не мог оказать Тарасу немедленную помочь. Он и сам ничего не имел. Он без кончики денег приехал в Петербург и только что устроился. Но ему превышенно хотелось сделать для Тараса что-нибудь полезное.

Он решил показать рисунки в Академии и познакомить Тараса с теми людьми, которые могли бы оказать влияние на судьбу белого мальца.

Через некоторое время Сошенко познакомил Тараса с известным писателем Григорием.

Гребенки с большим вниманием и любят отнести своему земляку. Он помог ему приобрести и познакомил его с придворным живописцем Венециановым.

Этот секретарь был весьма влиятельный господин, преодолевший в Академии «Терпение изящного». Он был в приятельских отношениях с художником К. Брюлловым, слава которого в то время была велика и даже ослепительна. О его картинах писались статьи. Общественное мнение и критика превозносили его до небес. Его последняя картина «Гибель Помпеи» привлекла на выставки Европы.

Брюллов с участием отнесся к Шевченко. Он похвалил его рисунки и познакомил его с придворным живописцем Венециановым.

И Венецианов, в свою очередь, рассказал поэту Жуковскому о несчастной судьбе талантливого мастера.

И Тарас, доселе неведомый, мальчиком заинтересовался столь влиятельные люди, что казалось, перемена судьбы для Шевченко уже близка.

Это был знаменательный день для Шевченко — 22 апреля 1838 года.

Акварели работы Т. Г. Шевченко.

И. ФЕФЕР

ПЫЛАЮЩИЙ ДОМ

ИЗ ПОЭМЫ

Давно уж тех людей нет в помине.
Но случай был таков на Украине,
Вдали от столбовых больших дорог,
От городов губернских в отдалены.
Существовало бедное селенье,
А в том селенье белый был шинок.
И тайная вела к нему дорога,
Она кончалась у его порога.
И многие к шинку знали путь,
Собираясь под кровлю худою.
Чтобы поплакать над своей судьбою,
Чтобы судьбу недобрых помянуть.
Еврей держал шинок в угбом доме
И сам он спал бедняга, но соломе,
Хоть все село сбировалось в доме том,
Хоть пропивали там живую душу.
Хоть скорбь и ужас становились глупые.
Но осталась два пути — купить Тараса
Или поменять поменяка к филантропическому шинку — дать Тарасу ост-
вобождение.

Жуковский просил Брюллова заняться этим делом.

И вот Брюллов отправился к полковнику Энгельгардту для переговоров.

Неизвестно, каков был разговор поменяка с Брюлловом. Известно только то, что Брюллов вернулся от Энгельгардта взвешенный до последней степени.

— Это самая большая синева из всех синев, каких только мне приходилось видеть, — сказал Брюллов в ответ на расспросы о результатах переговоров.

Шевченко, узнав о неудаче, пришел в отчаяние.

Брюллов утешал его. Жуковский, узнав об отчаянии молодого человека, написал ему успокаивающую записку.

Решено было снова обратиться к Энгельгардту с просьбой назначить цену за крестную душу Тараса.

Сошенко с любопытством стал рассматривать Тараса об его жизни. Он похвалил его рисунки и сказал, что ему надо учиться и что, сколько он понимает, это не выйдет большой толк.

Сошенко дал Тарасу свой адрес и просил его зайти в воскресенье.

Шевченко был вззволнован встречей. Он бормотал слова благодарности. Он так мало видел внимания к себе. Он не привык в участии или даже в каком-нибудь членовескому отношению.

И теперь он с чувством признательности смотрел на неизвестного художника, который обещал сделать для него все, что будет возможно.

В воскресенье Шевченко пришел к художнику на Четвертую линию Васильевского острова.

Тарас привнес с собой связку своих рисунков.

Художник Сошенко стал внимательно рассматривать рисунки, хвалил их и увлекался необыкновенному мастерству художника.

Сошенко не мог оказать Тарасу немедленную помочь. Он и сам ничего не имел. Он без кончики денег приехал в Петербург и только что устроился. Но ему превышенно хотелось сделать для Тараса что-нибудь полезное.

Он решил показать рисунки в Академии и познакомить Тараса с теми людьми, которые могли бы оказать влияние на судьбу белого мальца.

Через некоторое время Сошенко познакомил Тараса с известным писателем Григорием.

Гребенки с большим вниманием и любят отнести своему земляку. Он помог ему приобрести и познакомил его с придворным живописцем Венециановым.

Этот секретарь был весьма влиятельный господин, преодолевший в Академии «Терпение изящного». Он был в приятельских отношениях с художником К. Брюлловым, слава которого в то время была велика и даже ослепительна. О его картинах писались статьи. Общественное мнение и критика превозносили его до небес. Его последняя картина «Гибель Помпеи» привлекла на выставки Европы.

Брюллов с участием отнесся к Шевченко. Он похвалил его рисунки и познакомил его с придворным живописцем Венециановым.

И Венецианов, в свою очередь, рассказал поэту Жуковскому о несчастной судьбе талантливого мастера.

И Тарас, доселе неведомый, мальчиком заинтересовался столь влиятельные люди, что казалось, перемена судьбы для Шевченко уже близка.

«Что ж вы глядите, чей пылает дом?»
Народ узнал поэта, — гул в народе,
А из лаек пась одни выходят
И говорят — непрошон и незван:
«Еврей горит, тушить никто не хочет,
Да и не стоит». Панихи хохочут.
И мягких хохотов хохочут паны.
И на проезжего глядят селенье,
А он, исполнен словно вдохновенья,
Уже вскочил. Схватил ведро. С ведром
Спешит к колодце. И пуста телега,
А сотни искр мелькают красным снегом,
И красная шинкаль полыхает дом.
Кричит проезжий: «Что глядят на
племя!»
И кажется, он говорит стихами:
«Мы правники Адама одного, —
Поможем брату своему — еврею.
Берите ведра и бады скорее!»
И все село послушало его.
Завязали и завязали ведра,
И застучали радостно и болдо,
И полилась веселая вода,
И дружная, она лилась не даром.
А господин, а с паном сыновья,
Приехал пан, а с ведром мечтает еврей.
Тогда на дрожжах, в стеканом халате
Приехал пан, а с паном сыновья,
А с паничами панские лакеи.
Пан говорит: «Напрасна затея!
Тушить пожар, — к стихам склоняется я.
Всех разогнат!» Стрельба из
пистолетов
Пошла кругом. Панок полуодетый
Глядит с улыбкой на своих пасар.
А те народ честной с пожара гонят.
Один шинкар в дыму барабон тонет.
Один с ведром мечтает еврей.
А вдаке уже гремят телеги,
И лошади горячие от бега
Круг разгрывают. Нам седок знаком:
Усы, пахаха. Панихи бледнеют.
Седой кричит селянам и лакеям:

— «Ни, це Тарас!»

Перевод с еврейского

НИК. УШАКОВ

МОИ ПОЭТЫ

ПОЛИНА ОСИПЕНКО
Герой Советского Союза, майор.

У каждого человека есть свои прочные литературные привязанности.

Мы любим Пушкина, Лермонтова, Толстого, Некрасова, Шевченко, Маяковского. Мы обращаемся к произведениям великих писателей в часы отъюха, мы берем их книжки в путь-дорогу. Многое было прочитано раньше, но у классиков всегда находим новое, неожиданное, глубоко таинственное.

С произведениями Тараса Гротьеевича Шевченко я познакомилась в детстве, не зная, ком они написаны. Многие из песен, которые я распевала с погружением в моем родном селе, которые все пели на работе, на посредниках, были созданы великим поэтом.

Украинцы — певучий народ. Из поколения в поколение, из рода в род передавались песни о том, как дрались наши предки с поработителями родной земли — с турками, с чвальниками и жестокой польской шляхтой. Слепцы ходили по чумакским стилям и рассказывали о селой станице вольнолюбивой Украины.

Эти беззаботные сказатели и певцы воспевали доблесть и мужество минувших поколений, они поведали нам о прошлом, они познакомили нас с песнями и думами родного Шевченко.

Гений певца украинского народа обширен. Его «Кобзарь» — книга мудрая, поэтическая, в которой каждое слово, каждая строка великий поэт-ученик пронесся в народе. «Кобзарь» — одна из самых народных книг не только в Украине, но, думаю, и в мире.

Прошли десятилетия, а в шевченковском «Кобзаре» с еще большей силой звучат неизысканная, неугасимая любовь к трудовому народу и ненависть к помещикам, к угнетателям.

Царское самодержавие боялось «Кобзаря». Это была запретная книга. Ее прятали от народа, потому что в ней были собраны страхи, горе и надежды о светлой, счастливой доле великого украинца.

Поз призывают к жестокой расправе с врагами. Величайшей ворой в силы и разум народа, в неизбежность победы пронизан «Заповит». Пророчество поэта сбылось.

Еще одна из моих любимых песен. Грустная и горькая песня. Шевченко написал ее взлядом от родной Украины. Она печальная, но не безысходна. Шевченко, который боялся, что ему не удастся вновь увидеть милую Украину, твердо верил в то, что его творчество найдет «цирик правды, а не, може, й славу...»

Еще в детстве слышала я эту песню, но не знала имени ее автора. И так приятно и радостно было встретить ее в «Кобзаре», узнать, что написана она Тарасом Шевченко.

Шевченковский «Заповит» («Як умру, то поховай»), как и горьковский «Буревесник», воспитывал целые поколения в революционном духе. Величавые и чеканные строки «Заповита» разнеслись по Украине — в селах, в пещерах, в городах пели эту славную, боевую песню.

Поз призывают к жестокой расправе с врагами. Величайшей ворой в силы и разум народа, в неизбежность победы пронизан «Заповит». Пророчество поэта сбылось.

Десятилетия спустя различила поэта с его литературными друзьями. Николаевский революционер Григорий Григорьев, Пантелеймон Пантелеймонович, Пушкин и Лермонтов. Русская прогрессивная позиция была разгромлена. Планы идеи, включенные в «Кобзарь», среди которых были и позиции Тараса Гротьеевича.

Шевченко на Некрасова требует обстоятельного и кропотливого обследования, потому что даже Некрасов не сразу знал та идеологические позиции, на которых с самого начала стоял Шевченко.

Но кто из русских поэтов эпохи николаевской «сторны народов» мог поддержать и пропасти дальше это знамя?

Дело Шевченко не было и не могло быть поставлено русскими поэтами, современниками первого периода поэтической деятельности Шевченко. Недаром он жаловался в стихотворении, посвященном Гоголю: «Кому же ее, думу, покажу я, и кто мою речь встретит приветом и поймет великое слово? Все оглохли, поникли в пенихах. Ты смешаешься, а я илачу, великий мой! А что будет от этого плака? Ничего, мой брат! Шевченко знал, что он говорит «великое слово», но знал также и то, что в его время «не зарекут отец сына своего родного» в борьбе за свободу. Шевченко пел песни крестьянской революции, и среди дворян не могли быть и отголосков.

Десятилетия спустя различила поэта с его литературными друзьями. Николаевский революционер Григорий Григорьев, Пантелеймон Пантелеймонович, Пушкин и Лермонтов. Русская прогрессивная позиция была разгромлена. Планы идеи, включенные в «Кобзарь», среди которых были и позиции Тараса Гротьеевича.

Шевченко не нуждался в этих драматических жестах. На своей широке он испытал, как порох помещиков крестьянами руками дворовых или дядечков. И потому, отдав дань времени в «Гайдамаках», еще проникнутых традициями романтической поэзии, он безошибочно поднял в «Совете» и «Службе земли» позиции крестьянской тогдешней жизни. Два пуреволюционера были у него в этом жанре: «украинская народная ляма», т. е. былина, и Рылеев со своими «драматическими» и «романтическими» позициями. Шевченко на русскую поэзию сказывалась бесстрашие в построении драматических конфликтов у эмигранта Клинтера.

Шевченко не нуждался в этих драматических жестах. На своей широке он испытал, как порох помещиков крестьянами руками дворовых или дядечков. И потому, отдав дань времени в «Гайдамаках», еще проникнутых традициями романтической поэзии, он безошибочно поднял в «Совете» и «Службе земли» позиции крестьянской тогдешней жизни. Два пуреволюционера были у него в этом жанре: «украинская народная ляма», т. е. былина, и Рылеев со своими «драматическими» и «романтическими» позициями. Шевченко на русскую поэзию сказывалась бесстрашие в построении драматических конфликтов у эмигранта Клинтера.

Народы нашей великой и могущественной родины бросили оковы. И не только Украина, но и братская Белоруссия, и солнечная Грузия, и эйфория Азербайджана, и Россия, и Казахстан не забыли помянуть великого поэта «пеззим

тих словом».

Ненависть Шевченко распространялась не только на царей земных, но и в небесных.

Поэт называет погонов, помещиков-крепостников «разбойниками», «голодными ворами», которым, он верил, будет

有用的, на которых гонялись гуси.

Легенда эта отражает дореволюционную эпоху, когда голодный, угнетающий чужаком украинский народ находился под угрозой вымирания.

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕПЕНИЯ БЕЛИНСКОГО О «КОБЗАРЕ»

ШЕВЧЕНКО НА ЗАПАДЕ

Печатаемая ниже анонимная рецензия о «Кобзаре» Т. Г. Шевченко помещена в майской книжке «Отечественных записок» за 1840 год. В этом году в «Отечественных записках» и в «Литературной газете», издававшихся А. А. Краевским, были литературного характера рецензированы В. Г. Белинским, П. Н. Кудрявцевым, М. Н. Бактыковым, А. Д. Галаховым и В. С. Мекензичем. Кудрявцев, Галаков и Галахов не могли быть авторами названной рецензии о «Кобзаре», так как она рецензировали книги, вышедшие в Москве, а «Кобзарь» был издан в Петербурге. Поэтому «Кобзарь» и не был помещен в журнальных реестрах Галахова, заключающих в себе предварительную запись книг, разобранных для рецензирования сотрудниками-москвичами. Не мог быть автором этой рецензии и Мекензич, который сотрудничал в 1840 году только в «Литературной газете», а в «Отечественных записках», по словам Белинского, «не был до- душаем».

Автор анонимной рецензии говорит, что люди «в молниих фраках» будут «считать смертным грехом не поминать самых тонких наименов высокомодного Бальзака с братией»... В этой фразе явно чувствуется Белинский. Об увлечении Бальзаком людей «в молниих фраках» он вспоминал потом в статье о «Парижских тайнах»: «Давно ли повести Бальзака, эти картины салонного быта, с их притягательными женскими, были причиной общего воссторга, предметом всех разговоров? давно ли мы шагали наши русские журналы?» («Полное собрание сочинений В. Г. Белинского», под ред. С. А. Чернова, т. VIII, стр. 467—468). Он пропагандировал и на счет «самых тонких наименов высокомодного Бальзака». В рецензии о книге «Б. С. СПИРИДОНОВ.

* * *

«Кобзарь» Т. Шевченко. С.-Петербург. 1840.
в 12 д. л. 114 стр.
(С картинкою)

Имя г. Шевченко, если не ошибаюсь, в первых доз еще появляется в русской литературе, и нам тем приятнее было встретить его на книжке, в полной мере заслуживающей одобрение критики.

Стихотворения г.-на Шевченко ближе всего подходят к так называемым народным песнопениям; они так безыскусственны, что вы их легко приимите за народные песни и легенды малороссийские; это одно уже много говорят в их пользу. Автор не облегчает своих чувств и поэтических мыслей в форме ямбов, кореев и проч.; он даже не старается для отрывистости (по примеру неких писателей) писать теми же ямбами, но только, против проигнотного всем порока, стихами в 9 и 10 строк, чтобы после горюко кричать: «Н! я! я! выучил Руку писать уорильные стихи», — а при всем том его стихи оригинальны: это лепет сильной, но поэтической души... Чем же такое кобзарь? А вот, прочите начало стихотворения: «Тарасова ночь» (стр. 107), и вы узнаете:

На вознущи кобзар сидит,
Та на коби грае;
Брутом хлопи, та півчата —
Як має пропитае.
Грае кобзар, виспиве,
Вимовле словами,
Як москалі, орла, ляхі
Вились з козаками;
Як забираєсь громають
В недільну вранці.
Як ховали козаченка
В зелених байрапі.
Грае кобзар, виспиве —
Ах лихом смеяться...

Здесь есть и поэтические думы, и исторические легенды, и чады оставленной любви, и простодушная история любви Катерины, — словом, все элементы народной поэзии юга нашего отечества.

ОСІП БЕСКИН

ХУДОЖНИК

Четвертого сентября 1860 года на годичном торжественном собрании Академии художеств при звуках труб и лягур Тарас Шевченко был провозглашен академиком.

В Академии художеств хранились диплом за № 3005, гласящий: «Санкт-Петербургская Императорская Академия художеств за искусство познания в гранированном искусстве признает и почитает художника Тараса Шевченко своим Академиком, с правами и преимуществами, в установлениях Академии предпринятыми».

Дан в Санкт-Петербурге за подписанием Президента и с приложением печати 1860 г. Октября 31 дня».

А в 1861 г. В. Жемчужников в письме члену Литературного фонда П. М. Ковалевскому сообщает о тяжелейших условиях, в которых находятся большая вдовица Тараса Шевченко. Он пишет в холодной комнате, предоставленной ему Академией. Ухаживал за ним академический сторож. Жемчужников его доктор ваялся, что в этой обстановке Шевченко поправиться не может. Жемчужников хлопотал о том, чтобы Тарасу Григорьевичу нашли комнату в семье или поместили в лечебницу. Ни то, ни другое не было сделано, и 10 марта 1861 г. не стало великого Тараса.

Трубы и лягурь, гремящие славу академику гравированию, — и спрашивает смерть, в нужде, в одиночестве, на руках у академического сторожа.

Так и с судью славы художника, с его великолепным художественным наследием.

Шевченко был близким и любимейшим другом-учеником Брюллова — «Карла Великого», как называл его Жуковский. До начала XX века его изобразительное творчество оценивалось рядом художников и критиков как очень большое явление.

Художник М. О. Михеин в своих воспоминаниях называет его «замечательным дарованием», говорит о некотором его произведении как о «драгоценности». В Академии художеств за них прочно установлено прозвище «Русского Рембрандта». Преподавание в высшей степени в 1845 году сборнику «Русские полковники» указывает, что «портреты рисования известны художником Т. Г. Шевченком».

А в год пятидесятилетия со дня его смерти украинская газета «Гала» (№ 12 от

1838 и 1839 годов) он говорил что Бальзак «...расцветал в волнистом и растянутом многословии, которое он выдает за тонкий анализ пьесы, комнаты, душ, сердец, страсти и чувства — плохую же от глубокой наблюдательности...» (там же, т. VII, стр. 130). В приведенной фразе из анонимной рецензии в слову «Бальзак» добавлено «с братией». И это говорит в пользу авторства Белинского, который почти всегда брал Бальзака «с братией»: с рядом других французских писателей, которых развенчивал. В «Лицературной заметке» он писал, что в «непростом поэтом юной Франции...» принял Гоголя, Дюма, Бальзака и пр. (там же, т. III, стр. 378). В статье о Лажечникове: «Романы Лажечникова лучше романов Евгения Сю, Виктора Гюго, Бальзака и проч...» (там же, т. IV, стр. 29). В статье «Русская литература в 1840 году»: «Так называемая романтическая школа: Гюго, Сю, Бальзак и пр.» (там же, т. III, стр. 378).

Чтобы передать стихами эту прозрачность поэтического языка Шевченко, чтобы выразить его сложный душевный мир поэта-борца, сохранив изумительную ритмическую плавность, нужно, что называется, концептуально перевода. К сожалению, такого концептуального переводчика Шевченко на Западе пока еще нет. Иностранцы писатели, желавшие ознакомить западноевропейские читательские круги с «Кобзарем», зачастую были вынуждены прибегать к прозаическим переводам (а то и пересказам) его стихов. Так было с Эмилем Диором, опубликовавшим обстоятельный статью о Шевченко на страницах журнала «Review des deutsches Theater» за 1876 год. Так было и с французским литератором Виктором Тиссо, посвятившим Тарасу Шевченко одну главу своей книги «Россия и русские» (1882). Что же касается стихотворных переводов Шевченко на немецкий язык, то не помнится, чем Поль-Ле-Бок ниже проправил Бальзака, Жака Сю, Жана Бальзака и пр. (там же, т. VII, стр. 305).

Думаем, что отмеченные здесь признаки дают основание для внесения рассматриваемой рецензии в список сочинений Белинского.

В. С. СПИРИДОНОВ.

♦ A. ЛЕЙТЕС ♦

Шевченко, как и Пушкин, труден для перевода. Простота, кристальная ясность и блеск седуши милотинов мелочность поэзии Шевченко далеки от притягива, как вебо от земли. О поэзии Шевченко можно сказать прекрасными словами, которые были сказаны когда-то о Пушкине: все прозрачно, а дна не видно.

Чтобы передать стихами эту прозрачность поэтического языка Шевченко, чтобы выразить его сложный душевный мир поэта-борца, сохранив изумительную ритмическую плавность, нужно, что называется, концептуально перевода. К сожалению, такого концептуального переводчика Шевченко на Западе пока еще нет. Иностранцы писатели, желавшие ознакомить западноевропейские читательские круги с «Кобзарем», зачастую были вынуждены прибегать к прозаическим переводам (а то и пересказам) его стихов. Так было с Эмилем Диором, опубликовавшим обстоятельный статью о Шевченко на страницах журнала «Review des deutsches Theater» за 1876 год. Так было и с французским литератором Виктором Тиссо, посвятившим Тарасу Шевченко одну главу своей книги «Россия и русские» (1882). Что же касается стихотворных переводов Шевченко на немецкий язык, то не помнится, чем Поль-Ле-Бок ниже проправил Бальзака, Жака Сю, Жана Бальзака и пр. (там же, т. VII, стр. 305).

Думаем, что отмеченные здесь признаки дают основание для внесения рассматриваемой рецензии в список сочинений Белинского.

♦ Романы Спиридонова —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

заславил собаки —

он его перевод: «уважайте себя, господа поляки», а в примечании пояснял, что он не мог перевести дословно это двусмыслие, потому что как только начнешь переводить, «рук» его сородятся от возмущения».

Другой польский переводчик — Грушевский —

Павло Тычина

Родил сказал о Языкове, что тот владеет языком, как араб своим конем. Проводя и развивая это сравнение в отношении П. Г. Тычини, можно утверждать, что этот замечательнейший поэт владеет языком, как виртуоз летчик аэро-планом. Все сложнейшие фигуры высшего пилотажа знакомы ему. Он не успевает на этом знании. Он пробует и изобретает все новые возможности языка-летного полета. Из народного говора, из точайших оттенков многого множества синонимов, из несторов оттенков взрыво-войской, только что рожденной речи, он выбрасывает наиточнейшие, самые нужные, самые живые. И читатель задумывается над страницей, освещенной еще не византийской игрой света, еще не слышанной переливчатой звуков, полных острого смысла, яркости, новизны.

Павло Григорьевич Тычин — городской писатель советской поэзии. Мне телесный и спокойней жить, веселей и охотней работать, знаю, что в Киеве живет и работает Тычин. Мне весело от того, что существуют в моей стране, в союзе со мною, такие сильные, гордые и нежные руки, знающие тайну новых слов языка, сплавившие легких и твердых, несущих и прочных, на крыльях которых взвивается вдохновение.

Юрий Яновский

АЛЕКСАНДР ДРОЗДОВ

Ныне полезно работающие в литературе, давно открылись от заблуждений прошлых лет.

В этой книжке сильно всплескло Багрицкому. Нельзя ли писать об историческом Котовском, как о Боре-Королевиче:

Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под них сверкает
Белыми разинах.

И если бы, действительно, нельзя было писать о Котовском так, как это делал незабывший Багрицкий, то мы лишились бы поэм, равной по ценности золотомуplenю. Отталкиваясь от завоеванных него литературных трофеев, он бьется за новые трофеи на полях романтического повествования.

Надобно признать, в литературу на-кренко вошли многие герои «Всадников»: командир Донбасского полка Чубенко, тот самый, кто «заслоняет каждому в глаза, и каждый тогда будто бы сам себе заглянет в глаза», кого «мать в книжке купала, а отец краившей лаской». И старая Поло-вичаха, «высокая и строгая, как в песне», и старый Поло-вич, спасший для артели шапанду в бурном январском море, когда с берега дул трамонтан. В литературе остались и проходные героя романов — бояты Поло-вичи: красный командир, белогвардейец, петровец, ма-хновец. «Всадники» — книга не новая, и заача этих строк — оживить память читателя си-нов гражданской войны, описанных Яновским с удивительно правдивой и своеобразной силой, оживить аромат этой кни-ги, напомнить о ее художественной ясности.

Эта книга говорит о том, что романтизм в нашей литературе, направляемый

таким путем, как «Луна про Оланову»,

и что оно не было направлено на

свою настоящую задачу.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

и его герой — это не романтик, а

литератор, а не писатель.

Из этого ясно, что писатель

